

Мария Неклюдова —

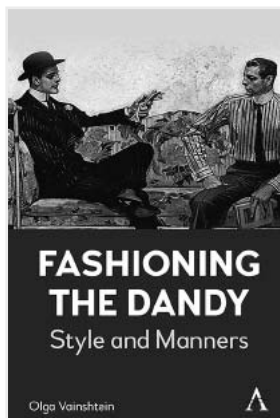
заведующая лабораторией историко-культурных исследований ШАГИ РАНХиГС, PhD (Калифорнийский университет). Сфера научных интересов — французская культура XVI–XVIII веков, историческая теория, придворное общество и театр XVII века.
m.s.neklyudova@gmail.com

Метаморфозы «Денди»

Сперва он явился в черном фраке, облегающих панталонах, белоснежном шейном платке и со стрижкой à la Titus. Позднее мы привыкли встречать его в элегантном сером костюме, в перчатках и с тростью. Теперь линию его надменного подбородка подчеркивает белый накрахмаленный воротничок фирмы Aggow,

а силуэт стал более атлетическим. Но несмотря на перемены наряда, суть остается неизменной: перед нами — денди. Причем не какой-то незнакомец, а «Денди» Ольги Вайнштейн, вышедший в издательстве «Новое литературное обозрение» в 2005 году (с портретом Браммелла на обложке) и с тех пор неоднократно переиздававшийся. Сейчас на полках российских магазинов можно видеть его шестое издание (с обложки которого на нас глядит

Vainshtein O.
Fashioning the
Dandy: Style and
Manners / Transl.
by S. Horujaya-
Cook.
Anthem
Press, 2023

граф Робер де Монтескью). А с сентября 2023 года, благодаря независимому издательству Anthem Press, «Денди» — практически «The Dandy» — отправился в путешествие по миру. На сей раз его «лицом» стала известная реклама фирмы Aggow 1913 года.

Как когда-то показал Борхес, путешествие книги во времени и пространстве меняет ее смысл, по-новому расставляя акценты и высветивая то, что оставалось в тени. «Fashioning the Dandy» можно считать наглядной тому иллюстрацией, причем временная дистанция здесь не менее важна, чем географическая (она же лингвистическая) трансплантация. «Денди» 2005 года поражал читателя богатством и разнообразием исторического полотна, почти эпической широтой охвата. Его англоязычное альтер эго 2023 года отличается лаконизмом и тщательный отбор конкретных примеров, благодаря чему на первый план выходят вопросы теории и методологии. Само название книги, «Fashioning the Dandy», то есть «Моделирование денди», подчеркивает одновременное присутствие сразу нескольких уровней анализа: материального (цвета, ткани, крой и так далее), социокультурного (генеалогия культурного типажа) и эпистемологического (дендизм как объект изучения). Их взаимодействие составляет подспудную интригу исследования, поскольку, хотя денди всегда находится на виду и легко опознаваем по одежде и манере себя вести, попытки дать ему чисто внешнее определение приводят к тому, что он растворяется в толпе щеголей и хлыщей и просто прилично одетых джентльменов. Как показывает Ольга Вайнштейн, дендизм отнюдь не равен моде — иногда он идет с ней рука об руку, а иногда небрежно игнорирует — скорее приближаясь к жизнетворчеству. Его появление следует считать предвестием изменений в структуре общества, признаком дестабилизации иерархических отношений. И это еще одна причина, по которой важно понимать, кто такие денди и откуда они берутся.

Перемена языка и, соответственно, читательской аудитории представляет непростую задачу для автора и переводчика и заслуживает отдельной рефлексии. Но оценить ее результат скорее может та публика, для которой она была произведена. Для меня — как, наверное, для всех, кто впервые познакомился с «Денди» в середине 2000-х годов, — встреча с его новым воплощением стала особым опытом чтения. Вернее, перечитывания и припоминания, поскольку английский перевод заставляет мысленно и вполне реально возвращаться к оригиналу, образуя с ним своеобразный палимпсест. Мне кажется, что в 2005 году я прошла мимо примечательной сцены, когда капитан Джессе, будущий биограф Браммелла, сидя в гостиной и глядя в зеркало, в котором отражается часть спальни стареющего денди,

наблюдает за его туалетом. А ведь эта оптическая диспозиция — возможно, спланированная самим Браммеллом и виртуозно проанализированная Ольгой Вайнштейн — имеет почти эмблематический характер. С одной стороны, дендизм показан здесь как динамический процесс (уход за собой, постепенное выстраивание внешнего облика), с другой — как игра отраженных взглядов (Браммелл стоит перед зеркалом в спальне, в то время как Джессе смотрит на его отражение в зеркале в гостиной), обнажающая принцип его социального функционирования. В итоге зрелище облачения денди из священнодействия превращается в ироническое разоблачение.

«Fashioning the Dandy» заставляет острее ощутить еще одну особенность дендизма, а именно его пренебрежение обыденной реальностью, которое выражается и в стремлении к невозможному идеалу, и в склонности к словесному абсурду. Не столь существенно, действительно ли, как утверждал сам Браммелл, над каждой его перчаткой трудилось по три мастера-перчаточника. Важно, что это своего рода формула невозможного: такой процесс вряд ли удастся повторить, тем более поставить на поток. С финансовой точки зрения это аналог потлача — демонстративного бросания на ветер материальных ценностей, поскольку оплачивать работу трех мастеров, очевидным образом, дороже, чем одного. Не менее показательны и подчеркнутые разбазаривание времени, будь то трехчасовой утренний туалет или прогулки с черепахой. Непропорциональные, избыточные расходы являются оборотной стороной культивируемой денди эстетики минимализма визуальных и вербальных средств для достижения максимального эффекта.

Может показаться, что все это — свойства «праздного класса», скорее относящиеся к прошлому. Но исследование Ольги Вайнштейн, как и его герои, идет вразрез с привычными схемами. Истинные денди, включая современных конголезских «сапёров» (представителей движения La Sape, которым в «Fashioning the Dandy» посвящена отдельная подглавка), всегда несут непомерные, разорительные траты, даже если им приходится для этого много и тяжело работать. В таком «неразумном» поведении есть элемент бунта против обыденной рациональности, предпочтение символического капитала экономическому. Конечно, здесь присутствует и политическая составляющая. Нахальное поведение и дерзкие реплики того же Браммелла — вспомним его язвительные остроты по поводу Георга IV — как бы отрицали реальную социальную иерархию, подменяя ее другой, воображаемой системой ценностей. Позднее стилисты, о которых идет речь в главе «Русский дендизм», сопротивлялись навязываемым им нормам

поведения «советского человека». А конголезские «сапёры», наперекор экономической целесообразности, покупают одежду западных люксовых брендов, тем самым культивируя чувство собственного достоинства и, парадоксальным образом, утверждая свою особую идентичность.

Появление «сапёров» — одно из наиболее ярких отличий «Fashioning the Dandy» от «Денди» 2005 года. Благодаря ему обсуждение дендизма как культурного явления решительно выходит за пределы западного мира, попутно открывая новые исследовательские перспективы. К примеру, заставляет задуматься о функциях спектаклярности. Все денди в той или иной степени конструируют свой образ, но если в классическом варианте они изобретают собственный костюм, как это сделал Браммелл, то уже на рубеже XIX–XX веков в их вестиментарных практиках появляется элемент театрализации, связанной с намеренным переодеванием и ношением не повседневной одежды. Спектр возможностей здесь достаточно широк, от исторических стилизаций, которыми увлекался Робер де Монтеस्कью, до присвоения и переосмысления западной моды советскими стилистами или конголезскими «сапёрами». В последних двух случаях, как показывает Ольга Вайнштейн, чужие культурные формы становятся и символом сопротивления, и способом моделирования альтернативной социальной реальности. Но сама по себе театрализация, по-видимому, свидетельствует о некотором окостенении дендизма, превращении его в определенный зрелищный жанр. Продолжая театральную метафору, можно сказать, что его существование в наши дни отчасти напоминает судьбу балета и оперы: двух зрелищных жанров, чье развитие практически остановилось, но чьи классические образцы постоянно интерпретируются по-новому.

Задолго до появления первых денди в европейской словесности существовало расхожее сравнение перевода со сменой словесной «одежды». Суровые римляне и итальянские законодатели вкусов представляли перед публикой во французском наряде, что не только делало их более доступными для новой аудитории, но позволяло лучше ощутить их близость или, напротив, манящий экзотизм. «Fashioning the Dandy» — прекрасный образец такого «переодевания», которое, конечно, потребовало существенной перекройки и реструктуризации силуэта, ставшего от этого лишь более элегантным. И как часто бывает с хорошим переводом, эта метаморфоза заставляет нас еще больше ценить и любить оригинал.